

О. Э. Душин

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ: У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКОГО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Теология, право и свободные искусства — вот три кита, на спинах которых покоился общественный строй и вся европейская цивилизация в XII и XIII веках, т. е. в то время, когда Европа переживала период самого быстрого до XIX века роста народонаселения и благосостояния, период всеобщего энтузиазма.

Р. У. Саутерн, «Схоластический гуманизм и объединение Европы» [1]

Динамичные трансформации современной системы образования, ассоциирующиеся с Болонским процессом, не только определяют необходимость выявления новых форм и стратегий организации высшей школы, но и вызывают настоятельную потребность в переосмыслении господствующих культурных традиций и их исторической верификации. Обращаясь к генезису европейских образовательных структур, следует согласиться с утверждением, что «формирование институционального каркаса вокруг дела обучения было уникальным событием, присущим только Европе. Такого рода образец не существовал в азиатском мире, не существовал он ни в Византии, ни в арабском мире, где институции высшего образования были зависимы от местного правителя или императора» [2, р. 19]. При этом университеты, наряду с такими событиями культурного пространства средневекового мира, как распространение текстов Аристотеля и его православных византийских, исламских и иудейских комментаторов и формирование нищенствующих орденов, послужили своеобразным фундаментом для развития синтетических учений XIII столетия — «золотого века» европейского схоластицизма.

Как известно, важнейшей особенностью устройства корпораций школяров и магистров и организации университетской жизни была их высокая степень демократичности¹. «Сущность нового типа институции — университета — заключалась в относительной открытости для людей разных стран и социальных классов», — отмечает Д. К. Хайд [2, р. 15]. Университет являл собой свободную гильдию преподавателей

Душин Олег Эрнестович — д-р филос. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; e-mail: odushin@mail.ru

¹ Показательна в этом плане фигура и личность Жана Жерсона (1363–1429). Выходец из большой крестьянской семьи, он стал не только доктором теологии, но после вдохновенной речи перед Карлом VI в 1391 г. — и личным проповедником короля, а в 1395 г. канцлером Парижского университета. Известно, что он вынашивал планы достаточно радикального реформирования системы теологического образования в Сорбонне, ориентируясь на приоритет мистической практики. Однако впоследствии в силу своей нравственной бескомпромиссности мыслитель, осудив убийство брата Карла VI — герцога Орлеанского Людовика, вступил в конфликт с партией герцога Бургундского Иоанна Бесстрашного и, в итоге, был вынужден покинуть Париж [3, с. 541–557].

и студентов, которые были вовлечены в двуединый процесс образования и обучения². В этом смысле университет предстает естественным результатом развития системы образования в средневековой Европе — от первоначальных городских кафедральных и монастырских школ к институтам высшей школы, так называемым *Studium Generale*, а от них собственно к *Universitas*. Преподаватели и студенты отчаянно боролись за свои права, и довольно скоро университетские гильдии добились соответствующего государственного и общественного признания. Корпоративная этика средневековых университетских профессоров и студентозусов имела более секуляризированный характер, чем у преподавателей монастырских школ, так как она была ориентирована на интересы людей, вовлеченных прежде всего в процесс образования. Школяры образуют специфическую социальную когорту, находившуюся между двумя главными структурами власти того времени — Церковью и монархией³. В данном контексте следует подчеркнуть, что у средневековых европейских интеллектуалов сложилась особая моральная диспозиция: они выработали соответствующий кодекс нравственных требований и правил поведения новой элиты — *populus politiores*. Примечательно, что университетская корпорация в Болонье создавалась практически параллельно с формированием и развитием ремесленных цехов башмачников, мянел и т. д., при этом устройство университетской иерархии (школяр — бакалавр — магистр) отчасти напоминало градацию ремесленных цехов (подмастерье — мастер — начальник цеха). Тем самым возникновение университетов отражает определенные сущностные социальные процессы, развернувшиеся в западноевропейской культуре XII–XIII вв., которые были обусловлены развитием городов и соответствующими новыми вызовами и требованиями эпохи.

Создание университетов начинается одновременно в трех главных европейских центрах — Болонье, Париже и Оксфорде. И у каждого города было свое политическое или экономическое основание для открытия университета. Париж славился своими академическими традициями еще со времен Петра Абеляра⁴. Кроме того, Университет

---

² Примечательное определение средневекового понятия «университет» предлагает один из современных ученых: «Университет (латинский *universitas*) в соответствующем средневековом смысле есть юридический термин, означающий гильдию, корпорацию или группу людей, вовлеченных в общую деятельность определенного сорта, имеющую коллективный статус, т. е. легально признанную, чтобы быть самоуправляемой и осуществлять контроль над собственными членами» [4, р. 24]. Идея равенства членов научной корпорации в деле поиска истины была четко заявлена в правилах ведения дискуссий, принятых в 1344 г. в коллегии, основанной духовником французского короля Людовика XI Робером де Сорбонном в 1257 г. Эта коллегия впоследствии приобрела столь высокий авторитет и влияние, что в XIX в. весь университет стали называть Сорбонной. Данные статуты предписывают, что «между членами коллегии должно быть полное равенство, так как в этом доме все являются товарищами и соучениками» [5, с. 208].

³ Выдающийся французский медиевист, представитель легендарной школы «Анналов» Жак Ле Гофф отмечает в связи с этим, что «знание, воплощенное университетами, очень скоро приняло вид *силы, порядка*. Это была ученость, вознесшаяся наравне со Священством и Властью. Университарики также стремились самоопределиваться как интеллектуальная аристократия, обладающая своей особой моралью и своей собственной системой ценностей. Это стремление было особенно распространено в среде сторонников учения Аристотеля и авероистов, которые старались учредить и узаконить теоретически сословие *философов* (университетских мудрецов), чьей главной добродетелью должно быть *величие души* (ср. круг Сигера Брабантского в Парижском университете XIII века)» [6, с. 129].

⁴ Известный исследователь Хастингс Рашдал в своем классическом труде по истории европейских университетов отмечает, что «со времен Абеляра Париж стал, несомненно, таким же центром европейской мысли и культуры, как Афины во времена Перикла или Флоренция в эпоху Лоренцо

активно поддерживался французской короной — правда, впоследствии это обернулось для ученых суровыми преследованиями, обрушенными на номиналистов⁵. К тому же Парижский университет находился под особой опекой Римской курии, и в спорных ситуациях преподаватели имели право апеллировать к авторитету Святейшего Престола⁶. В свою очередь Болонья представлялась менее подходящим для университета

Медици» [7, р. 63]. В самом деле, не только духовная атмосфера, но и хорошо организованное обеспечение школяров и их наставников продуктами питания и вином, а также общая ситуация, сложившаяся в городе, были настолько благоприятными для студентов, что Париж (*Parisius*) сравнивали с раем (*Paradisus*). Преимущество столицы заключалось и в том, что здесь располагался королевский двор, и ученые мужи питали смутные надежды на то, что их заметят и привлекут к ответственной государственной службе. К тому же король и королевская власть рассматривались в качестве источника всевозможных привилегий, что вполне оправдалось в 1200 г., когда была опубликована жалованная грамота Филиппа II Августа, провозгласившая юридическую автономию университета. Следует заметить, что Париж никогда не стал бы образовательным центром Европы без продуманной политики поддержки со стороны французской короны, которой университет представлялся атрибутом широкой европейской славы и особого международного признания. Рост политического авторитета французских монархов ассоциировался, в частности, с утверждением Сорбонны в качестве главного центра системы европейского образования, особенно в области теологии; *translatio imperii* воспринималось и как *translatio studii*. Париж представлялся городом, который как бы унаследовал традиции древних столиц, но в нем школяров и ученых стало еще больше: «ни Афины, ни Рим не имели когда-либо столь много ученых, как ныне Париж», — писал в 1210 г. королевский хроникер Уильям Бретонский (цит. по: [4, р. 33]). Следует отметить, что в Болонье до 1353 г. вообще не было факультета богословия, да и в философском плане этот университет не сыграл заметной роли. Символом Болонской *alma mater* явились знаменитые «Декреталии» Грациана, или «*Concordia canonum discordantium*» (Согласование противоречивых канонов), написанные около 1140 г. и ставшие классическим пособием по каноническому праву. Основным же учебником по теологии были «Сентенции» Петра Ломбардского. Таким образом, главную конкуренцию Парижу в деле университетского образования и схоластической учености составлял университет Оксфорда. Символично, что в Сорбонне весомую роль приобрели члены доминиканского ордена, а в Оксфорде традиционно преобладали францисканцы.

⁵ В 1473 г. Людовик XI издал указ, согласно которому всем преподавателям Сорбонны предписывалось клятвенно исповедовать реализм. Декрет был формально отменен лишь в 1841 г. [8, с. 151].

⁶ Отношения между научной корпорацией Парижского университета и папством имели и свою оборотную сторону. Особенно драматично события развивались в период XIII столетия, когда в рамках средневековой схоластики происходит своего рода «аристотелевская революция», которая вызывает у священников много сомнений и вопросов, что в свою очередь приводит к принятию охранительных мер. Так, в 1210 г. на заседании Парижского поместного собора под председательством Архиепископа Санса Петра Корбейльского был наложен запрет на чтение лекций по натурфилософским сочинениям Стагирита. К тому же было осуждено учение Давида Динантского, бывшего преподавателя университета, который, впрочем, в это время уже находился в Риме и не подпадал под юрисдикцию данных решений. В 1215 г. папский легат кардинал Робер де Курсон подтвердил запрет на изучение текстов Аристотеля по натурфилософии и метафизике, тогда как чтение лекций по этике и логике было разрешено. В 1231 г. папа Григорий IX обратился к Парижским магистрам с особым письмом, где, с одной стороны, подтверждал прежние запреты, но, с другой стороны, призывал переосмыслить наследие античного мудреца и согласовать его идеи с постулатами христианской доктрины. Для этого была создана особая комиссия, которая просуществовала не более года, не достигнув успеха, — тем не менее соответствующая принципиально важная задача была поставлена. В 1263 г. папа Урбан IV подтвердил прежние ограничения. Суровость охранительных мер, как это часто бывает, смягчалась их не столь ревностным соблюдением, и все же осуждение 219 так называемых «аверроистских тезисов», принятое в 1277 г. на Парижском соборе под руководством епископа Этьена Тампье, стало решающим событием в истории взаимоотношений между университетом и Церковью. Оно значительным образом повлияло на последующее развитие богословия и схоластической науки, так как не только было направлено против преподавателей факультета искусств, увлеченных философскими идеями Аристотеля и Аверроэса, но и затрагивало некоторые положения учения Фомы Аквинского, одного из лидеров доминиканцев. Иная ситуация сложилась в Оксфорде: и Роберт Гроссетест, и Роджер Бэ-

местом в сравнении с Миланом, Падуей или Салерно в силу ее экономического отставания. Однако главным козырем оказалось месторасположение: город находился между сильными торговыми центрами и сельскохозяйственными районами, что было принципиально важно для обеспечения продуктами питания достаточно большой по средневековым меркам массы населения. Стоит напомнить, что крупными городами Европы в Средние века считались центры с населением 20–40 тыс. человек, поэтому прокормить группу в несколько тысяч молодых людей было действительно трудным делом.

Принципиально важно, что формирующиеся университеты несут в себе новый дух. Традиционно монастырские школы были ориентированы на подготовку клириков, будущих священников и монахов. В них сохранялись определенные элементы античного культурного наследия и соответствующие образовательные практики, преподавались основы грамматики, риторики, экзегезы, преподавался некоторый общий набор энциклопедических знаний. Со времен Абеяра начинается эпоха развития свободного образования, так как преподаватели («философы», как они себя называли) стали брать деньги за обучение, вызывая неподдельный гнев со стороны коллег из монастырских школ, считавших, что подлинное знание дается от Бога и не может продаваться⁷. При этом уже в начале XII в. преподаватели кафедральной школы Парижа считались самыми знающими и авторитетными. И уже к середине столетия возникает потребность в институализации и объединении разрозненных школ. Так, на основе соединения кафедральной школы и школ монастыря Св. Виктора на горе Св. Женевьевы возникает Парижский университет. Тем самым начинается эпоха профессионализации системы высшего образования, которая отражает вполне определенные тенденции развития западноевропейского мира в Средние века.

В XIII столетии в Англии и Франции постепенно происходит усиление общественного признания и иерархического статуса королевской власти, что выражается, в частности, в утверждении института уполномоченных на местах и в расширении применения практики письменного закона, в повсеместном распространении различных распоряжений, уложений, постановлений и т. д. Теперь гарантии и права нобилитета также закрепляются на основе письменных документов, что порождает широкую потребность в юристах и нотариусах, которые могли бы правильно и квалифицированно толковать закон и составлять необходимые бумаги. «К 1300 г. Англия стала нацией, зависящей от профессиональных юристов», — отмечает один из современных исследователей [9, р. 56]. Таким образом, университеты становятся своего рода *sine qua non* европейской культуры. В начале XIII в. университеты появляются во многих городах Западной Европы — в Падуе, Неаполе, Монпелье, Тулузе, Саламанке, Кембридже и др. Кроме того, при поддержке нищенствующих орденов активно создаются новые *Studium Generale*⁸.

кон, хотя и увлекались вопросами натурфилософии и математики и изучали сочинения Аристотеля и других античных мыслителей, строго различали пути научного познания и теологии, что станет основополагающим принципом всей последующей оксфордской ученой традиции.

⁷ Аргументируя свою позицию, они, в частности, апеллировали к текстам Священного Писания: «Купи истину, и не продавай мудрости и учения и разума» (Притч. 23:23).

⁸ Особенностью *Studium Generale* являлось привлечение студентов из-за рубежа, тогда как *Studium Particulare* охватывал только местный уровень, привлекал школяров определенной территории, ближайшей округи.

Следует отметить, что первые средневековые университеты заметно различались своей системой организации и структурой. В Париже университет управлялся магистрами, при этом ректор избирался из представителей факультета искусств, самого крупного по числу студентов и преподавателей. Система факультетов Парижского университета сложилась в начале XIII столетия и послужила образцом для других университетов Европы. Первичным был факультет искусств, затем можно было специализироваться на медицинском, юридическом или богословском факультетах. При этом факультет искусств включал четыре объединения по национальностям: галльской, английской, пикардийской и норманнской. Университет в Болонье управлялся школярами, которые нанимали профессоров. Таким образом, университет включал два объединения — иностранных студентов и преподавателей, поэтому университетская жизнь определялась взаимодействием этих союзов. «Первый университет школяров, — пишет Д. К. Хайд, — был составлен из иностранных студентов. Болонским студиярусам было запрещено примыкать к университету, так как это подчинило бы их юрисдикции ректора, а не города. Доктора, с другой стороны, объединились отчасти для того, чтобы защитить себя от клятвы, которая принуждала их пребывать только в Болонье. Но они также объединились и для того, чтобы регулировать процедуру экзаменов и выдачу научных степеней. Из этих различных студенческих и факультетских проблем, по сути, двух организаций, начал развиваться университет в Болонье» [2, р. 18].

Эмиграция преподавателей не приветствовалась горожанами, однако это была широко распространенная практика университетской жизни в Средние века. Достаточно часто, отстаивая свои права, если не находилось иных аргументов, универсанты переезжали в другие города. Так появлялись новые университеты: в 1209 г. преподаватели Оксфорда переехали в Кембридж, в 1204 г. доктора Болоньи переехали в Винченцу, затем в 1215 г. в Арrezzo, в 1222 г. в Падую, а из Падуи в 1228 г. в Верчелли. Жители Болоньи в итоге приняли закон, который предписывал смертную казнь для всякого, кто замышлял переместить *studium*, и для всех магистров старше пятидесяти, кто хотел бы покинуть город, чтобы преподавать в другом месте. Однако после массовой эмиграции универсантов в Сиену в 1321 г. коммуна Болоньи нашла более позитивный способ привлечения профессоров и студентов. В 1322 г. горожане, чтобы расположить магистров и школяров, построили на свои средства специальную капеллу для ученых — по сути, это было первое собственно университетское здание.

Преподаватели Парижского университета при отстаивании своих прав также прибегали к угрозам эмиграции в другие города. Первый известный случай — это события 1200 г., когда в результате потасовки были убиты немецкие студенты. Они поссорились с трактирщиком и поколотили его. В ответ начальник полиции направил своих людей в немецкое землячество, и несколько студентов было убито. Университетские педагоги отказались работать и пригрозили переездом. В итоге французский король Филипп II Август был вынужден пойти на уступки и даровать школярам и магистрам многочисленные права и привилегии, в частности: преподаватели не подлежали обычному городскому суду, их следовало передавать церковным властям или на усмотрение сообщества профессоров. Начальник полиции был наказан. Горожанам предписывалось сообщать обо всех преступлениях против ученых и помогать в опознании и задержании преступников. Как видим, королевская власть встала на сторону универсантов. Впоследствии преподаватели Парижского университета покидали город в 1218–1219 гг., но самая большая эмиграция профессоров и студиярусов состоялась

в 1229 г., когда парижские магистры массово отправились в различные французские города — Анже, Орлеан, Тулузу. Причиной послужил конфликт с горожанами: во время карнавальных праздников в пригороде Парижа школяры поссорились с трактирщиком из-за стоимости вина. К разбирательству инцидента подключился магистрат. В целом ситуация была неоднозначной, но преподаватели и студенты выступили в качестве единой корпорации, отстаивая неприкосновенность своих юридических прав перед лицом городских властей. Возвращение ученых в Париж потребовало двух лет согласований и переговоров. Примечательно, что важную роль в восстановлении полнокровной деятельности Университета сыграл лично папа Григорий IX. Он издал особую энциклику *Pareus scientiarum* от 13 апреля 1231 г., которая призывала к началу переговоров представителей всех заинтересованных сторон — короля, епископа и университетской корпорации. Вдобавок были разосланы специальные обращения папы с призывом восстановить *status quo* в отношениях между горожанами и сообществом ученых на основании соответствующих уложений 1200 г. Таким образом, только в 1231 г. папа принудил короля гарантировать профессорам и студентам безопасность проживания в Париже, после чего они стали возвращаться.

Становление университетов и всей системы высшего образования в средневековой Европе XII–XIII вв. явилось необходимым элементом эволюции культуры того времени и было обусловлено многими сложными социальными причинами и вызовами эпохи: противоречиями между светской и духовной властями, централизацией государственности, ростом городов и потребностями коммунальной жизни, развитием Церкви. В целом, следует признать, что от самых своих истоков *Universitas* как корпорация ученых, союз единомышленников, устремленных к поискам истины, приобрел особый социальный статус. Ученые демонстрировали не только увлеченность абстрактными «штудиями», но и реальную общественную силу своей гильдии. Они формировали социум, создавали его интеллектуальную и правовую базу. В этом смысле и сегодня университет остается символом нравственного великодушия, научной бескомпромиссности и преданности своему делу.

Литература

1. Саутерн Р. У. Схоластический гуманизм и объединение Европы. Т. I: Основы / пер. М. В. Семиколеных // URL: http://turba-philosophorum.narod.ru/transl/Southern/Scholastic_Humanism_1/Contents.html (дата обращения: 03.12.2012).
2. Hyde J. K. Universities and Cities in Medieval Italy // *The University and the City. From Medieval Origins to the Present* / ed. by T. Beuder. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 13–21.
3. Шишков А. М. Средневековая интеллектуальная культура. М.: Издатель Савин С. А., 2003. 592 с.
4. Ferruolo S. C. Parisius-Paradisus: The City, its Schools, and the Origins of the University of Paris // *The University and the City. From Medieval Origins to the Present* / ed. by T. Beuder. New York; Oxford: Oxford University Press, 1988. P. 22–43.
5. Антология педагогической мысли христианского Средневековья: в 2 т. Т. 2: Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников. М.: АО «Аспект Пресс», 1994.
6. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. 328 с.
7. Rashdall H. *The Universities of Europe in the Middle Ages*: 3 vols. Vol. I. Oxford: Oxford University Press, 1936.
8. Курантов А. П., Стяжкин Н. И. Уильям Оккам. М.: Мысль, 1978. 192 с.
9. Marrone S. P. *The rise of the universities* // *The Cambridge History of Medieval Philosophy*: 2 vols / ed. by R. Pasnau. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. Vol. I. P. 50–62.

Статья поступила в редакцию 6 декабря 2012 г.